

СЫН ПОЛКОВНИКА

Вскоре после смерти отца зазвонил телефон. Женщина поздоровалась. Голосу было от сорока трех до пятидесяти девяти.

Риелтор водил очередную белую пару по дому моего детства. Они разглядывали фотографии, замкнутые в золоченые пластмассовые рамки. Я, я в школьной форме, родители у моря, галька... Ни одной улыбки. Выгоревшее полароидное солнце, блеклые горы, и серьезные лица с горизонтальными линиями рта.

– Вам бы ремонт сделать, если хотите продать поскорее, – шепнул риелтор, – здесь бабушкин дух нулевых. – И он обвел настенные трещинки глазами.

– Не тороплюсь, – сказал я им на прощание и проводил.

Вот тогда и зазвонил телефон, стоявший поверх вязаной салфетки, постеленной на ореховую тумбу.

– Алло.

– Здравствуйте, я только узнала о смерти Миши...

Вы, должно быть, его сын?

– Да. Его.

– Мне очень жаль...

Мы оба молчали какое-то время, недолгое. Неловкости не было. Ну или я ее не почувствовал.

– Вы могли бы отвезти меня к его могиле? Я только что прилетела и звоню вам из аэропорта.

– Да, конечно. Я отвезу вас. Кладбище далеко за городом.

– Да? Спасибо.

Это вопросительное «да» значило, что она поняла все о моем отношении к отцу. Я не похоронил его в черте города, рядом с мамой. Как он того желал. Место на городском стоило дороже. Он когда-то на мать потратился, а я на него – нет.

Ее такси остановилось у подъезда. С таксистом повезло, они обычно долго плутают по дворам между корпусами-клонами. Ей было от сорока трех до пятидесяти двух. Высокая, ухоженная. Кожа загорелая, холеная. Руки тонкие, сухие. Одета неброско, но по всему понятно, что все на ней дорогое. Черное и дорогое. Прохожий собачник замер, разглядывая ее и не замечая тянущего руку поводка. Я захлопнул окно и спустился.

– Здравствуйте!

– Привет! Надо же, ты его копия...

Краем глаза я видел, что она из вежливости изо всех сил делает вид, что ей удобно на жестком сиденье тридцатилетнего «шевроле». Она даже похвалила автомобиль в какой-то момент на трассе за его «необыкновенность». Но я сделал вид, что не слышал, и не ответил. Мы почти не говорили. Она хотела было, но не собралась и отвернулась к окну. От ее шеи раздавался запах апельсиновой корки и чего-то еще, похожего на йод. Нет, не йод...

– У тебя его руки, – все-таки попыталась она.

Тишина не рассеялась. Я перевел взгляд с проселочной дороги на свои руки и не задержался на них. Она закурила. Просто так, не спросив. Папа тоже так делал, в неожиданных местах, никогда не спрашивая. Видимо, так они все делали в своих нулевых.

На кладбище я довел ее до ограды и оставил наедине с памятником. Земля не была ровным холмом, какой я ее запомнил на похоронах. Посаженные цветы, вырванные из притоптанного песка, были разбросаны вдоль ограды. «Дождь, что ли, размыл... – подумал я. – Да ведь и не было никакого дождя...» Я сел в сторонке на скамью и принялся смотреть, как дерутся воробьи за позеленевший хлеб. Может, риелтор прав? Может, стоит подремонтировать квартиру? Выбросить старье... Побелить стены... Или просто сбросить пятьдесят тысяч и не возиться? За пятьдесят тысяч сами сделают, что вздумается.

Когда я поднял голову, она говорила по телефону. Говорила с тем, с кем спит, с мужем ли, партнером, чьим-то еще отцом. Я понял, что говорит она с любовником, по тому, как она сказала «дорогой». Это было не то «дорогой», что говорится ребенку или другу. И это было не вежливое «дорогой»... Я расслышал, что она лгала. Она говорила в трубку, что была где-то еще, в каком-то бизнес-центре.

Она подошла ко мне и попросила отвезти ее в отель. Глаза она прятала. Говорила как будто в сторону. По адресу я догадался, что остановилась она в роскошной гостинице, из тех, где колонны, рояли, птицы в клетках, музыканты и игристое вино. Всю дорогу мне казалось, что она думает обо мне, вернее, о чем я сам думаю. Что-нибудь похожее на «что у них могло быть общего, у такой роскошной загадочной женщины и нищего молчаливого полковника, к тому же обремененного семьей, службой и бюджетными отпусками в санаториях с несменяемыми полотенцами за всю неделю пребывания». Но я не о том думал. Я думал о машине, которую куплю, как только продам квартиру старика.

– У тебя есть брат, – сказала она перед тем, как выйти.

А я подумал: «Мне нравится “шевроле”. “Шевроле” надежная, вот только она должна быть на три, ну или хотя бы на два десятка моложе».

– Ты слышал? У тебя есть брат.

Я слышал... И руль! Руль должен быть с подогревом: зима на носу.